

Джон наслаждался брызгами соленой воды и мощью шестидесяти весел галеры, толкавших ее вперед против течения. Кейтилин Старк стояла во главе "Штормового танцора" и разговаривала с Морео Тумитисом. У тирошийского капитана была зеленая вильчатая борода и умный язык.

В Белой гавани Кейтилин и сир Родрик обратили внимание на большую галеру, ее очаровательную команду и, особенно, на хвастливые заявления капитана о ее скорости и маневренности. Джон был менее убедителен, но в начале путешествия он молча поклялся не высказывать своего мнения вслух, чтобы не нарушить негласное перемирие между ним и леди Старк. По правде говоря, ему казалось, что корабль мог бы лучше противостоять двум штормам, с которыми они столкнулись, а капитан был слишком ухожен, чтобы ему нравиться.

Сир Родрик снова перевалился через борт корабля, и Джон сочувственно похлопал его по спине. Мастер-армеец страдал от, казалось, непрекращающейся морской болезни, и ему пришлось сбрить свои характерные белые усы, чтобы привести лицо в порядок. После этого рыцарь уже не казался прежним.

Джон мог ему посочувствовать. То же самое он почувствовал, впервые взглянув в зеркало после прыжка во времени. Шрамы от орла Орелла исчезли, как будто когти никогда не пробивали его лицо, а лохматая борода, которую он выращивал, будучи лордом-командующим, была сбрита до щетины. Он не был похож на себя. Каждый раз, когда он подходил к зеркалу, его встречал незнакомец. Единственное, что осталось неизменным с прошлой жизни, - это затравленный, постаревший взгляд его глаз.

Джон прикоснулся к его безупречно выбритой щеке. Галера плавно поднималась и опускалась вместе с волнами, успокаивая его беспорядочные мысли. В этой новой жизни я получу новые шрамы.

"Джон".

Леди Кейтилин стала называть его так. Джон. Его имя.

Джон поклонился. Чем дольше он избегал ее взгляда, тем меньше вероятность того, что она будет им недовольна. Отношение и поведение Кейтилин к бастарду ее мужа улучшилось. Они всегда старались избегать друг друга, но во время поездки сюда она поручала ему простые дела, достойные оруженосца. Джон готовил лошадей и заготавливал дрова, а в редких случаях, когда они останавливались в трактире, Джон вежливо наблюдал за их разговорами.

Это не было обязанностями лорда-командующего - по сути, Джон должен был оскорбиться, - но ее одобрителный кивок вызывал большее уважение, а ненавистные комментарии, казалось, прекратились вовсе, и это было самым большим подарком, о котором он мог просить. В последнее время ему хотелось только тишины и покоя, чтобы подумать и наметить планы на будущее.

"Мы причалим завтра. Приготовьте свои вещи".

Джону нужно было сказать только один раз. С нетерпением он вернулся в свою каюту (которая была также каютой сира Родрика) и начал собирать вещи рыцаря и свои собственные.

Он смазал и заточил Свитсингера, размышляя о том, что они будут делать с его щенком, когда доберутся до города. Если судить по трясущимся ногам и всклоченной голове, Призраку не очень понравилось путешествие по морю, и если волк умеет скулить, то, по мнению Джона, он будет шуметь. К счастью, щенок был молчалив и еще достаточно мал, чтобы сойти за большую собаку. Джон надеялся, что он останется таким еще некоторое время, но, помня многочисленные скачки роста Призрака, не стал бы на это рассчитывать. Не пройдет и года, как он станет размером с небольшую лошадь.

Положив клинок в ножны, Джон присоединился к остальным мужчинам в столовой. Он ненадолго задержался у двери, а затем в доли секунды порылся в своих вещах и нашел пачку пергаментов из маленького сундучка с зимними розами. Спрятав их под мышкой, он покинул свои покои.

После их отъезда из Винтерфелла Джон решил сохранить бумаги из сундука на случай, если они пригодятся в дальнейшем. Для личного назидания, сказал он в свое оправдание. Он свернул каждый кусок пергамента в тугой свиток и перевязал свитки кожаной лентой. Подумав, он также сложил сигил Таргариенов в квадрат, насколько это было возможно, и положил его на дно ранца, не в силах отрицать, что чувствует связь с большим куском ткани.

Он представлял себе, как его мать с любящими глазами и нежными руками укутывает малыша Джона в бархатистое тепло. Это была всего лишь придуманная фантазия, но, тем не менее, она утешала Джона.

Во время поездки на юг Джон не осмелился вскрыть ни одного письма. Сир Родрик, леди Кейтилин и Джон взяли трех самых быстрых скакунов, которых мог предоставить Винтерфелл, и упорно скакали к Белой Гавани. Несколько ночей они спали под звездами, их лагерь был небольшим, и Джон осторожно обходил леди Винтерфелла и ее верного мастера-оруженосца.

Джон беспрекословно подчинялся каждому приказу старого сира Родрика, который на время путешествия стал его временным оруженосцем. Наставник оруженосцев всегда сердечно относился к бастарду Неда Старка, и уже через несколько дней Джон почувствовал, что Родрик потеплел к нему, когда однажды вечером они вместе раскурили трубку, и пожилой человек поделился с ним историями своей юности.

Джон полагал, что леди Кейтилин плохо отреагирует на любые свидетельства о его матери и рождении бастарда. Он также опасался, что она уничтожит письма в порыве гнева. Но теперь, в анонимности столовой "Штормового танцора", когда леди Старк и сир Родрик были заняты другими делами, он мог снова заняться изучением содержимого сундука с Зимней розой.

Выбрав место в тени, Джон велел одному из людей принести ему воды. Он бросил ему пенни, и Лисени поймал его пальцами ног. Джон моргнул.

Развернув сверток и стараясь не потерять ни одной бумаги, Джон выбрал короткое, наспех нацарапанное послание, написанное красными чернилами.

"Лорд Старк, я все еще надеюсь на мир. Ваши обвинения ложны. Я не могу разглашать местонахождение Лианны, но знайте, что она в безопасности. Вместе мы сможем выступить против Эйериса и уладить эту войну без кровопролития. Принц Рейгар из дома Таргариенов".

Джон задумался над словами мертвого принца. Рейгар Таргариен попытался протянуть оливковую ветвь Дому Старков? Эти незначительные факты не были записаны в книгах по истории. Почерк был чистым и аккуратным, и он не соответствовал маленькой записке Серебряного принца к Рыцарю Улыбающегося Древа. Но, как известно, у великих людей есть великие писцы. Не было никаких доказательств того, что принц Рейгар написал какую-либо из этих записок своей рукой.

Джон отложил записку в сторону и взял в руки другой лист пергамента. Это была еще одна дневниковая запись, датированная 283 годом. При виде знакомых петель и завитков маминого почерка у Джона сжалось сердце.

Мать велела мне следовать своему сердцу. Отец велел мне слушать богов. Я сделал и то, и другое. Я никогда никого не любила так сильно, как его, и я буду следовать за своей любовью, куда бы она меня ни привела. Я только надеюсь, что выбрала путь к счастью, а не к войне. Надежда еще есть. Надежда в семени, которое зародилось в моем чреве. Меня переполняет радость при мысли о них. Будут ли они похожи на своего отца? Тысяча вопросов заполняет мой разум, и я буду рад любому ответу. Боги дали мне жизнь.

Джон проследил за тем, как она вырисовывается. Надежда еще есть. Джон улыбнулся и почувствовал, что у него на глаза навернулись слезы. Боги, с возрастом он становился все более сентиментальным. Я полон радости... - он проследил за этими словами, усмехнувшись.

"Джон."

Джон вздрогнул, и сверток упал на пол. Он быстро поклонился и собрал пергамент, пока тот не укатился. Леди Кейтилин окинула его холодным взглядом и взяла с пола страницу.

Сердце Джона упало. Это был конец.

Кейтилин Старк молча протянула пергамент обратно. "Мой собственный мейстер вряд ли уехал, не передав мне мои исследования. Убедитесь, что ваши вещи собраны, и вставайте пораньше", - пренебрежительно добавила она.

<http://erolate.com/book/3905/107952>